

НАИВНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ АРТЕФАКТОВ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ШАПКА

Толковые словари позиционируют шапку как деталь одежды, описывают ее внешний вид. В статье путем профилирования выявляется *к о н ц е п т шапки*, формулируется *к о г н и т и в н а я* дефиниция, которая значительно объемнее словарной, так как включает культурную информацию, национально-культурный компонент. Представление о шапке в русской и белорусской фразеологии, кроме общего, имеет и различия, свидетельствующие о некоторых особенностях национального мировидения.

Артефакты, искусственно созданные вещи, имеют в лексикографии четкую дефиницию. Однако известно, что представления о многих из них репрезентируют мысленные структуры, по объему значительно превышающие смысловой объем лексем. В процессе своего становления эти структуры, культурные концепты, преодолевают сложный и многоэтапный путь смыслового насыщения и превращаются из “туманного нечего” в культурные символы [1].

В культуре нет ни чисто духовных, ни чисто материальных вещей, каждое явление культуры имеет две эти стороны [2, с. 75]. Реконструировать культурные концепты – значит проникнуть в тайну средств самовыражения народа, его менталитет.

Фразеология – особенно благодатный материал для исследования человеческого фактора в языке, “поскольку в ней концептуальны не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры” [3, с. 8].

Следует отметить, что мы понимаем фразеологию широко и включаем в ее разряд паремиологию. При анализе фразеологического материала учитывается, что устойчивые выражения – это генетически свободные словосочетания, описывающие прототипическую ситуацию. Поэтому мы ищем “буквальный смысл”, “внутреннюю форму”. Термин “буквальный смысл”, отмечает Ю.С. Степанов, применяется и в тех случаях, «где вовсе нет никакой “буквы” или звука слова». «“Внутренняя форма” – термин, пришедший от изучения языка, но применимый ко всяким явлениям культуры» [2, с. 52]. Именно такой подход обеспечивает реконструкцию культурной информации, содержащейся во фразеологии.

В русской и белорусской фразеологии не вся одежда культурно отмечена, однако такой ее вид, как шапка, несомненно, обладает культурной коннотацией.

Традиция ношения головных уборов очень стара. С. Максимов отмечает, что шляпу, валянную из овечьей шерсти (издревле русский народный головной убор), и белорусский колпак-магерку можно увидеть на скифских изваяниях [4].

Согласно русскому толковому словарю, *шапка* – головной убор, теплый и мягкий, а *шляпа* – головной убор с тульей и обычно с полями [5, с. 792, 798]. Белорусские соответствия второй лексемы – *шляпа* и *капялюш* [6, т. 5/2, с. 375; т. 2, с. 634]. В русской фразеологии *шапка* и *шляпа* синонимичны.

Словарное определение, находясь в центре поля концепта, “обросло” различными национально-культурными коннотациями в русской и белорусской фразеологии и приобрело символические свойства. Выявив эти коннотации и свойства, можно создать когнитивную дефиницию – ответить на вопрос о способе восприятия предмета говорящими на русском и белорусском языках, т.е. о способе познания нацией мира.

Проанализировав материал в количестве 82 русских и 40 белорусских ФЕ (фразеологических единиц) [7], мы пришли к следующим выводам.

В русской фразеологии шапка – обязательная деталь одежды простого человека, крестьянина: *Со всем Максим, и шапка с ним* (начало – конец); *Голова на плечах и шапка нахлобучена* (готов). Шапка – необходимость, а не наряд: *Без рубля как без шапки; Без жены как без шапки; Без шапки, что без шапки.*

В русском и белорусском материале отмечено, что шапка особенно нужна при нахождении вне дома: *Добро пожаловать, а сам за шапку; Гость часто за шапку берется, не скоро уйдет; Не дал шапки отец, так пусть уши мерзнут / Не купіў бацька шапкі, няхай вушы мерзнуць* (упрямство); *Шапку ў ахапку і за парог*. С этой семьей связаны и ФЕ *На шапочный разбор // На разбор шапак*.

Кроме того, шапка – это деталь мужской одежды: *По Сеньке и шапка, по бабе и шлык; На парне да на мужике все та же шапка (а девка простоволоса, женка покрыта)*. Женщина, по наивным представлениям, носить ее не должна, но в белорусском материале отмечается, что это возможно в преклонном возрасте, так как общественное мнение на пожилую женщину уже не влияет: *Старой бабцы добра і ў шапцы*.

Во фразеологии репрезентирована корреляция шапки с головой: *Не играй шапкой, голова болеть будет; Хватился шапки, как головы не стало* (оплошность); *На тулово без головы шапки не пригонишь; Дурную голаў шапкаю не закрыееш*. Они даже отождествляются: лексема *шапка* употребляется вместо *голова* (метонимия): *Дать (хлестнуть, ударить) по шапке / Даць па шапцы*.

В русской корреляции *шапка – голова* проявлена амбивалентность. С одной стороны, голова важнее: *Не для шапки только голова на плечах; Голова не колышек: не шапку на нее вешать; Цела ль голова, а шапку бог даст*, с другой стороны, шапка важнее головы: *Голову сняли, да шапку вынес*.

Русская фразеология указывает на шапку как на сакральный предмет (*шапку бог даст*), это ценность: *Выпьем? – Выпьем. – А деньги где? – А шапка-то у тебя; Из спасиба шапки не сошьешь; Из нужды твоей не шапку шить*. Она даже является предметом воровства: *Нашел шапку на колочке* (т.е. украл); *Времена шатки, береги шапки*. Однако шапка дешевле другой одежды: *Шапку выиграл, а кафтан проиграл* (бестолковый) – и может символизировать бедность: *Всей одежи шапка да онучи; У нашего командира ни шляпы, ни мундира; Шапка волосяная, рукавицы своекожаные* (т.е. ничего нет). То же в белорусской фразеологии: *За турботы шапку і боты*.

Важным в концептуализации головного убора является его ненормальное расположение – не на голове: *В Бородинском полку носят шапки на боку* (ненормально); *Пронести шляпу на ухе* (шеголять).

Качество шапки, фасон, особенности в носке указывают на характер человека, чаще щеголя: *В брюхе солома, а шапка с заломом; Шапочка с ушами, молодчик с кудрями; Шапка на нем так копыль-копылом и торчит; Бравы маладзец: шапка набакір, полы за поясам* – и высокомерного: *Ходит Ермак, заломя колпак; Калом шапкі не дастанеш*. Стоимость шапки тоже обыгрывается: *Дома щи без круп, в людях – шапка в рубль; Шапочка в две денежки и то набекрень*.

Ненормально шапка расположена на голове у пьяного: *На пьяном шапки не направляешься*, но, по замечанию белорусов, указывать ему на это нельзя, так как будет неправильно воспринято: *Не напраўляй на п'яным шапкі*. Впрочем, в русском материале отмечается: *То не пьян еще, коли шапка на голове*.

Отсутствие шапки на голове культурно отмечено. Частотное устойчивое выражение *Снимать шапку (шляпу) / Здымаць шапку* перед кем-нибудь – 'проявлять уважение' (*За правду не судись, скинь шапку да поклонись! Все в старостях будем – некому будет и шапки перед нами снимать; Я яго шапкаю, а ён мяне абухом*) восходит к ситуации приветствия: *По улице едешь, хоть шапки не надевай; Шапочное знакомство не в потомство; Добро шапкой зняться*.

По славянской традиции шапку снимают, когда заходят в помещение, мужчины обязательно снимают в церкви: *(Поп) не отпел, а ты уже и шапку надел* (неприлично). За этим обычаем скрывается культурная информация. Про людей, нарушающих этикет, белорусы говорят: *У яго вераб'і ў шапцы*, имея в виду, что такие люди приносят чужое пространство в своё, в дом. Позже эта информация была забыта, а выражение *У яго вераб'і ў шапцы* стало употребляться как негативная характеристика человека вообще.

Обычай снимать шапку перед вышестоящими вызвал к жизни сему *Снимать шапку / Здымаць шапку* перед кем-нибудь – 'унижаться': *Убогий на богатого сердится, а за ним без шапки находится; Без шапки стоя не много наговоришь*. Это значение, а также значение 'уважение' (с иронией) отразилось в белорусских устойчивых единицах,

репрезентирующих оппозицию *пан – мужик: Пана павесяць – тры дні перад ім шапку здымай: часам адарвецца; Пана вядуць вешаць – мужык шапку скідае, бо як адарвецца, то адрывнецца.*

В русском материале встречаем выражение *Снять шапку*, но не со своей головы, а с чужой. Этимологию его объясняет И.Снегирев. В старину, пишет исследователь, “на Красной площади или на большом торгу в Москве издревле саживались после обедни граждане для рассуждения и совещания или для выслушивания указов государя, который сам узнавал через бояр глас народный. ...Здесь обличался и пристыжался виновный, примирялись враждующие, усовещивался несостоятельный должник, у которого иногда снимали шапку или шляпу, а с женщины-должницы платок; тем самым лишали их общей доверенности”, подвергали позору, так что “детям их служило укором, что с их отца снимали шапку или с матери платок на площади” [7, с. 339]. Шапка была символом независимости. Когда же в XVIII в. в России была запрещена самостоятельная расправа с такими людьми, возникла поговорка о несостоятельном должнике: *Что с ним делать? Шапки с него не соймешь!* (современное частотное соответствие *С него взятки гладки*) или: *Вор с мошенника шапку снял* (т.е. уличил его). *Снять с кого шапку (с женщины платок)* значит ‘опозорить’. Вероятно, эта ситуация лежит и в основе белорусского выражения *Дурню шапку здымаць*.

Символизм несут и другие манипуляции с шапкой: они могут указывать на особенности поведения человека. *Ломать шапку/ Ламаць шапку* – унижаться перед кем-либо, униженно просить (это значение несет также специальный белорусский глагол *шапкаваць*), *Шапками закидать/ Шапкамі закідаць* – быстро и легко победить кого-либо, русское *Накрыть шапкой* – проявлять смелость: *Из-за угла хоть шапкой накрой!*; *Одной шапкой двоих накрыл* – и белорусское: *Спаць у шапку* – бездействовать, не проявлять активности. Переносное значение последнего выражения, скорее всего, возникло на основе прототипической ситуации: когда крестьянину приходилось спать вне дома, он прикрывал глаза шапкой. Такое первичное значение сохранил русский фразеологизм *Под шапкой: Где ночевали?* – *Под шапкой* (сон в дороге – объяснение В.Даля).

В материале отражен также и другой народный обычай – использовать шапку и для ношения, хранения чего-либо: *Отрубил да в шапку* (синонимично *Сказал что отрубил*); *Народ как волна, так и шапка полна* (у торговца); *Скинемся по грошу в шапку*; *От здагадаўся – за кілбасу ды ў шапку* (о воре); *Дзякуй у шапку* – так говорят, выражая несогласие с неприемлемым предложением. В ФЕ *Хоть в шапке принеси, да чтоб была молитва* содержится культурная информация о крестьянском обычае привозить из церкви в шапке молитву (и даже имя при заочном крещении) родившемуся слабеньким младенцу.

Только *Жару в шапку не нагребешь; Агну ў шапцы не носяць* (очевидное).

Значение *шапка* – ‘докус’ связано также с семой ‘попрошайничать’: *С шапкой пойти; Папкаю [хлебом] скарэй знойдзеш прыяцеля, чым з шапкаю*.

Обычай класть все в шапку, вероятно, восходит к ритуалу жеребьевки. И.Снегирев в уже упоминавшейся книге описывает, как проводился суд при помощи жребия. Два восковых шарика с именем истца и с именем ответчика клали в шляпу (*Дело в шляпе*), из которой кто-то, либо посторонний, либо назначенный судом, доставал шарик правой рукой. Чей шарик вынимался прежде, того объявляли правым [7, с. 425].

Позже такой вид решения конфликтов был широко распространен как у славян, так и у других народов. “В эти шляпы на всем разнообразном протяжении русской земли, – пишет С.Максимов, – бросаются всякие жеребьи в виде условных знаков – будут ли они каменные или надкусанные и нащербленные рубилом монеты, или кусочки свинца с меткой на счастье при спорах и наймах. Чья метка вынется, на том человеку и всем спорам конец; его право на получение заказа перед соперниками, на куплю и продажу, на поставку лошадей в разгон и т. д. неоспоримо, и дело в шляпе ожидало лишь очереди: надевай на голову – теперь дело твое из нее уж не выскочит” [4, с. 169–170].

Символизм шапки заключается и в том, что по ней отличали *своего* от *чужого*: *В какой народ попадешь, такую и шапку наденешь; Чья шапка на ком, то той будзе на том*.

Шапка указывает и на другие особенности человека, особенно на его социальную принадлежность: *Гол, да в шляпе – тот же шляхта; Прибирай по голове шапку; По Сеньке и шапка / Па Хомку (Юрку, Саўку, Сеньку) і шапка; Чым большы пан, тым шапка*

нялюдска. Этот процесс отразился и в лексике (русской и белорусской): возникло переносное значение лексемы *шыляпа* – вялый, безынициативный человек, растяпа.

Как концепт *шапка* обладает определенными свойствами. Особая символика у *красной / чырвонай шапки*. В фразеологизмах с компонентом *красная шапка* скрыты культурные коннотации, связанные с рекрутским набором – рекруты, солдаты, носили красные шапки: *Отдать под красную шапку*; *Чырвонай шапкі не мінуць* – и шутовством: *Коли барский дурак, так и красный колпак*. Позже возникла устойчивая ассоциация дурак – красная шапка: *Рад, как дурак красной шапке*; *В красной шапке узнаешь дурака*; *Чырвоную шапку адзеўшы, перапрашваць не трэба*; *Няма чырвонай шапкі, перапрашваць няма ў чым*; *Нямашака шапкі перапрасіць, пайду да Мінска, куплю каптур чырвоны*. Белорусские ФЕ содержат дополнительную ассоциацию *чырвоная шапка – бессовестный человек*, а в русской – отражена ассоциация *красная шапка – вор*: *Красная шапка – вор мужик*. Так ненавистная народом рекрутская красная шапка приобрела дальнейшую негативную коннотацию.

Русская и белорусская наивная картина мира отражает представления о шапке как о живом существе, способном действовать самостоятельно: *Шапка на галаве расце*; *Аж шапка паднялася на галаве*; *Са страху шапка расце* (хотя, конечно, к этому имеет отношение “поведение” волос: *Валасы ўсталі дыбам*). В русском материале эту сему отражает возможность использования концепта ‘головной убор’ в качестве адресата: *Прости, колпак, а шапка и так* (т.е. уходи – гостю).

В русском миропонимании шапка – эталон измерения времени: *Шапки с головы ухватить не успеешь* (быстро), в белорусском – высоты: *Аршын з шапкай*; *Шапка валіцца* (высоко).

Таким образом, когнитивная дефиниция шапки, созданная по данным фразеологии и соответствующая народному (наивному) знанию, намного шире словарного значения.

В наивной картине мира, отраженной во фразеологии, шапка – это деталь одежды, которую носят на голове исключительно вне дома. Белорусский материал эксплицирует оппозицию свое – чужое пространство. По русским представлениям, шапка может также располагаться на боку и на ухе, и это ненормальное расположение характеризует человека, его качества, социальную принадлежность. Фасон шапки, стоимость (рус.) и манера ее носки тоже участвуют в этой характеристике. По шапке можно дифференцировать своих и чужих.

Особой значимостью обладает фрейм *снять с себя шапку (шыляпу)*, а в русской фразеологии – *снять шапку с кого-либо*. Символично отсутствие шапки на голове. Значимы и другие манипуляции с шапкой.

Шапка – типично мужской элемент гардероба.

Шапка – предмет, использующийся как емкость для подаяния, жеребьевки, для хранения (ношения) различных предметов (рус. – дело, деньги, молитва, бел. – спасибо, колбаса). По белорусским представлениям, в ней могут завестись воробьи – символ чужого пространства.

Шапка – необходимость (рус.), но и ценный предмет (рус. и бел.), иногда даже ценнее головы (рус.), предмет обмена, воровства (рус.) и одновременно символ бедности (рус. и бел.), в русском материале отмечается, что она дешевле другой одежды.

Шапка может гореть, в белорусском материале еще и подниматься, расти.

Шапка – эталон измерения времени (рус.), высоты (бел.).

Особое отношение к красной шапке. Коннотация *красная шапка – дурак*, в белорусской фразеологии с оттенком *бессовестный человек*, в русском материале – *вор* восходит к ситуации солдатчины и шутовства.

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста / С.А.Аскольдов; ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – 315 с.

2. Степанов, Юрий. Константы: словарь русской культуры / Юрий Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 972 с.

3. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н.Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.

4. *Крылатые слова и выражения русского народа / по толкованию С.Максимова.* – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
5. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка / С.И.Ожегов. – М.: Русский язык, 1984. – 815 с.
6. *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т.* – Мн.: БелЭн, 1984. – Т. 5/2. – 608 с.
7. *Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И.Молоткова.* – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.; *Даль, В.И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: в 2 т. / В.И.Даль. – СПб.: Литера, 1997. – Т. 1. – 411 с. – Т. 2. – 407 с.; *Снегирев, Иван.* Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах / Иван Снегирев. – Н.Новгород: Три богатыря: Братья славяне, 1996. – 624 с.
8. *Беларускія прыказкі, прымаўкі. Фразеалагізмы / склаў Ф.Янкоўскі.* – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.; *Лепешаў, І.Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы / І.Я.Лепешаў. – Мн.: БелЭн, 1993. – Т. 2. – 607 с.; *Прыказкі і прымаўкі: у 2 т.* – Мн.: Навука і тэхніка, 1976. – Т. 1. – 556 с. – Т. 2. – 580 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ